

ЭО-Online, 2014 г., № 3

© С.А. Арутюнов

Рец. на: *Анчабадзе Ю.Д. Политическая культура адыгов: традиционные институты и их эволюция (вторая половина XIX в. – 1920-е годы)*. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2012. 340 с.

Труд Ю.Д. Анчабадзе “Политическая культура адыгов” является результатом его многолетней и кропотливой работы, основанной прежде всего на изучении большого массива архивных материалов, а также нарративных источников, материалов местной прессы, мемуарной литературы и т.д. Название его несколько шире конкретного содержания, которое ограничено исключительно политической активностью крестьянских слоев населения, но это оговорено в самом начале работы, а временные сроки (вторая половина XIX в. – 1920-е годы) указаны и в подзаголовке.

Собственно говоря, именно и только в этот период предмет исследования – т.е. политическая культура адыгского крестьянства – реально и существовал. После начала 1930-х годов, т.е. в условиях колхозной закрепощенности, можно говорить уже не о политической культуре крестьянства как класса, а лишь о культуре выживания, приспособления к условиям аномального существования в среде тоталитарного режима, где были искажены и поставлены с ног на голову все нормальные социальные и экономические механизмы. С другой стороны, до 1860-х годов, т.е. до окончания Русско-кавказской войны, адыгская политическая культура, бесспорно, существовала и отличалась большой сложностью и изощренностью, но исключительно как феодальная или раннефеодальная культура. Что же касается политической культуры трудовых или крестьянских масс, то ее проявления были растворены в более широких структурах этой доминировавшей верхушечной политической культуры и не представляли собой особой самодовлеющей системы, проявляясь к тому же не в собственно политических, а в видоизмененных военно-политических формах поведения.

Мне кажется, что многие критические претензии, которые в принципе можно предъявить к труду Ю.Д. Анчабадзе, обусловлены именно недопониманием этой специфики обстановки, в которой существовало адыгское общество до окончания Русско-кавказской войны, когда доминирование феодально-элитарных норм в политической культуре данного этноса резко потеряло свою актуальность и операциональность.

Книга состоит из двух разделов, рассматривающих соответственно дореволюционную и послереволюционную части указанного периода. Основным предметом рассмотрения в обоих разделах являются, с одной стороны, взаимоотношения домохозяйств и их группировок в рамках отдельного селения или аула, а с другой стороны – отношения, складывающиеся между аулом в целом и формирующими эти отношения его официальными и неофициальными акторами влияния и местными представителями общегосударственной власти.

Основным звеном аульной власти в дореволюционное время был сельский сход, состоявший первоначально из всех дееспособных домохозяев, а позднее (с начала XX в.) чаще всего ограничивавшийся собранием депутатов, избравшихся из числа наиболее авторитетных домохозяев в пропорции 30 человек от каждой сотни дворов. В книге разобраны основные задачи и функции схода, в которые входило прежде всего размежевание и распределение земельных участков между отдельными домохозяйствами, уда-

---

Сергей Александрович Арутюнов – проф., чл.-корр. РАН, заведующий отделом Кавказа Института этнологии и антропологии РАН; e-mail: gusaba@iea.ras.ru

ленных пастбищных участков между аулами, лесорубных участков и т.д. Сход определял также порядок выполнения различных повинностей, имевших более широкое, нежели собственно аульное значение – например, поддержание в рабочем состоянии дорог и мостов, школьных и культовых построек и других объектов. И даже в тех случаях, когда возникающие вопросы находились в прямой компетенции государственных полицейских властей, как то выезд за границу (например, в хадж) или появление в ауле иностранных (обычно турецких) подданных, отправным моментом полицейских решений и действий обычно являлось решение схода или избираемого на сходе сельского старшины. В книге собрано множество разысканных автором архивных свидетельств, очень наглядно живописующих разнообразие подобных ситуаций, постоянно нарушавших размеренное и мирное течение деревенской жизни. Угон скота, похищение девушек и прочие правонарушения постоянно находились в круге забот старшины, а при необходимости, и схода. Немало внимания уделено автором и деятельности представителей духовной власти, избираемых сельчанами аульных и квартальных мулл (эфенди), пользовавшихся значительным влиянием. Любопытны и поучительны найденные автором свидетельства об общественных санкциях (порицаниях, штрафах), налагавшихся обществом за несоблюдение этических норм ислама.

Хотя отчасти сохранялась раннефеодальная психология, рассматривавшая кражу лошадей и тому подобные действия, особенно среди молодежи и представителей привилегированных сословий, скорее как проявление молодечества, нежели как преступление, все же автор убеждает читателей на основе фактов, что эта психология постепенно менялась и правонарушения против собственности осуждались с течением времени все более и более строго. Наметилась “тенденция размывания политического веса и авторитета старинной дворянско-княжеской элиты” (с. 63). При том, что небольшой отток населения в Турцию продолжал иметь место вплоть до начала Первой мировой войны, тем не менее преобладала тенденция упрочения самоидентификации адыгов как лояльных подданных России. И хотя жизнь адыгских трудящихся, как и других народов царской России, отнюдь не была тем светлым праздником свободы и благополучия, каким ее нередко пытаются представить некоторые современные апологеты столыпинства и царизма, а представляла собой трудную эпопею приспособления к достаточно гнетущей атмосфере авторитарно-полицейского режима, тем не менее, как мы это видим из фактов, описываемых в данной книге, в целом в адыгском селе, как и во всей России вообще, преобладала атмосфера, благоприятствовавшая постепенной прогрессивной социально-экономической эволюции. И частичный надлом этого вектора развития в 1905 г., и его трагический перелом в 1917–1918 гг., видимо, был обусловлен не столько фатальными внутренними, сколько крайне неблагоприятно сложившимися внешнеполитическими и ситуационными факторами. Во всяком случае, картина, рисуемая в книге Ю.Д. Анчабадзе, подталкивает именно к таким размышлениям.

Начиная с марта 1917 г. падение монархического режима и активизация этнополитических сил во всех уголках России в немалой мере затронули и адыгов, но, следуя устоявшимся традициям общероссийской лояльности, в основном направили их усилия на “поиски адекватных форм будущего социально-политического существования” (с. 108). Однако “октябрьские события 1917 г., [...] посеяв смуту и разброд в общественных настроениях населения России, породили административную анархию и неразбериху, которые захлестнули в частности и Северный Кавказ” (с. 109).

С этого тезиса начинается второй раздел книги, который по объему вдвое больше первого. Это объясняется большим объемом документального материала, который повествующий о нем автор стремится отразить возможно полнее и детальнее. Однако общая картина получается не такой полной, как в первом разделе, а несколько более ущербной, и не по вине автора, а в силу характера самого материала. Если в первом разделе речь шла пусть и о затрудненном и неровном, но все же конструктивном и прогрессивном развитии процессов на селе, то во втором мы видим картину почти исключительно негативного, деструктивного движения. В развернувшемся в отечественной (и не только) исторической науке активном поиске характеристик и оценок тоталитарно-со-

циалистической формации уже довольно тривиальным стало ее сопоставление с азиатским способом производства или, что почти одно и то же, со строем древневосточных деспотий. И хотя эксплицитно Ю.Д. Анчабадзе об этом нигде не пишет, чтение его труда невольно наталкивает на подобные аллюзии.

Согласно Гомеру, “тягостный жребий печального рабства избрав человеку, лучшую доблестей в нем половину Зевес истребляет”. И именно истребление доблестей и поощрение пороков ставили своей задачей эксплуататоры-спартиаты в среде поработенных ими илотов. Читая пеструю мозаику документов и фактов, представленных в книге Ю.Д. Анчабадзе и повествующих о репрессиях, реквизициях, высылках, расправах, расстрелах, взятии заложников (и заложниц, что совершенно немыслимо было в традиционной системе ценностей адыгов!), приходишь к мысли, что основной целью их было даже не столько ограбление и экспроприирование материальных ценностей у основной трудолюбивой, свободолюбивой и ревностно оберегающей свое достоинство массы созидательного (креативного, как сказали бы сегодня) адыгского крестьянского класса, а именно слом этого достоинства, разрушение традиционных ценностей, ликвидация класса именно как носителя классовых референтных вех, превращение его в безвольную, запуганную, оболваненную безликую массу. Без такой подготовительной работы вряд ли была бы возможной последующая коллективизация адыгского села, которая лежит уже за пределами временного периода, описываемого в данной книге.

Правда, следует отметить, что если советской власти и удалось отчасти уподобить адыгское крестьянство массе илотов, то сами творцы этого процесса, все эти члены комбедов, парт-ячеек, комиссары и активисты, вряд ли могли быть по своим доблестям уподоблены спартиатам. Никак не выдерживает сопоставления со спартанскими царями и лично Бетал Калмыков, долговременный и непререкаемый лидер новой власти в Кабарде, о конкретных и не вызывающих симпатии действиях и высказываниях которого в книге имеется немало ярких свидетельств. Кстати сказать, имя Калмыкова и по сей день носит ряд важных объектов в Нальчике, а массивная статуя его продолжает “украшать” одну из площадей города.

Главным результатом прочтения книги Ю.Д. Анчабадзе является представление о растянувшейся почти на столетие и далеко еще не законченной в душах “лиц кавказской национальности”, в данном случае конкретно адыгов, борьбе двух ментальностей – ментальности “совка” (это сленговое словечко, наряду с такими словами, как “панк” или “хиппи”, давно уже стало полноценным социополитологическим термином, почти синонимичным выражению “Homo Sovieticus” и обозначающим квази-культуру сталинистского и эписталинистского обывательства) и ментальности “адыгагэ”, выражающей комплекс традиционных адыгских императивов и автостереотипов. Именно в этом, на мой взгляд, ее главная, и, осмелюсь утверждать, непреходящая ценность.